

Глава 1

Пятница, 14 октября 2016 года

Кэтрин никогда не сомневалась, что ее душа невесома. Что она, неосязаемая и ослепительно сияющая, соткана из мыслей, чувств и убеждений. А еще душа хранит тайны. И вот они-то день ото дня тяжелеют, тяготят душу.

Вот бы носить их за спиной и спокойно жить дальше!.. Кэтрин представила себе добротный, как у ее дяди, рюкзак с пряжками, на широких лямках. Сложить бы туда все свои тайны и затянуть как следует поясной ремень, равномерно распределяя вес...

Не тут-то было. Секреты жили своей жизнью. Однажды они повисли камнем на шее и стали тянуть к земле, не давая поднять голову. А на следующее утро переползли в живот; Кэтрин то и дело скручивалась в судороге и бегала каждый час в уборную. Теперь тайны поселились в ее сердце, давя с такой силой, что оно, казалось, вот-вот разорвется.

Она позвонила отцу и предупредила, что больна и не выйдет на работу — третий раз за неделю. Тот был готов бить тревогу, но она его успокоила, сославшись на «женские проблемы». Наступил поздний вечер. Кэтрин сидела в гостиной; застыв перед мерцающим экраном телевизора, она пыталась заплакать.

Слезы словно выкипали, не дойдя до глаз. В горле стоял ком, голос делался ломким и хныкающим, но за не-

сколько дней — ни слезинки. Суметь заплакать значило освободиться. Увы, глаза оставались сухими. Лишь губы дрожали, отчего Кэтрин чувствовала себя маленькой и глупой.

Секреты коварны. Только дай волю, и они отберут у тебя способность плакать.

В тысячный раз она схватила телефон и открыла список контактов — первым в «любимых» значился номер отца. Логично, ведь она действительно его любит. Любит как родителя, любит как человека, любит больше всего в этом мире. Можно рассказать ему правду. Тогда груз на сердце обратится в пыль... Ее палец завис над экраном. На секунду пришло долгожданное облегчение.

А потом в голове замелькали картинки. Папино лицо, искажившееся от боли. Он уже немолод. В прошлом году перенес инфаркт, который врачи назвали «тревожным звонком». Что будет с отцом, откройся она ему?

Мнимое облегчение переросло в колющий страх и чувство вины. Нет, нельзя.

В дверь постучали — и сердце на мгновение замерло. На секунду Кэтрин замешкалась, гадая, кто это мог быть. Уже очень поздно. Друзья или соседка прислали бы сообщение, прежде чем появиться у нее на пороге, тем более в такой час. Тогда все ясно. Это отец — встревожился и приехал ее проведать.

Он наверняка с первого взгляда поймет: с ней что-то случилось. Что эти «женские проблемы» совсем не похожи на ежемесячное недомогание. Сможет ли она солгать, если он задаст прямой вопрос?.. Не сейчас. Не сегодня. Ей придется все рассказать.

Кэтрин на ватных ногах подошла к двери, переполняясь смешанными чувствами вины, страха и облегчения. Мельком посмотрела в глазок и удивленно ойкнула.

Она знала стоявшего в коридоре мужчину, но это был не отец.

В голове после тяжелого дня стоял туман. Кэтрин привычным движением протянула руку к щеколде. Тут же подступила тревога. Мысли заметались, приказывая ей не открывать дверь. Его здесь быть не должно! И потом что-то мелькнуло в его глазах... Нечто опасное и порочное...

Но в эту секунду тело не подчинялось разуму. Будто под гипнозом, она медленно отодвинула щеколду.

Дверь распахнулась, ударив Кэтрин по лицу. Она упала, оглушенная; половина лица пульсировала болью, перед глазами все плыло. Навернулись слезы, которых Кэтрин так ждала. Она попыталась закричать, заговорить...

Лицо накрыла рука, зажав нос и рот. Кэтрин не могла дышать. Не могла издать ни звука. Она извивалась всем телом, и ее ударили наотмашь.

Мир погрузился в блаженную тьму...

Кэтрин приоткрыла веки. Только через мгновение поняла: у нее во рту что-то есть, неприятное и ворсистое. Она подняла руку, чтобы вынуть кляп.

— Не смей.

Рука застыла.

— Оставь как есть. Кричать тебе нельзя.

Она с трудом сфокусировала взгляд на знакомом лице, беззвучно умоляя отпустить ее.

— Все будет быстро, — почти извиняющимся тоном сказал он. В его руках что-то сверкнуло. Большая игла.

Он схватил ее правую руку и занес над ней иглу. Кэтрин сдавленно вскрикнула сквозь кляп и попыталась отдернуть руку. Вырваться не получилось, однако от неожиданности он промахнулся. Девушка ахнула, когда игла вспорола кожу.

— Видишь, все из-за тебя! — прорычал он, его глаза опять зло сверкнули. Вцепился в ее запястье и снова вонзил иглу. Кэтрин хотела дотянуться до его лица другой рукой, и он опять ее ударил.

— Так я в вену не попаду. — Он покачал головой. Снова промахнулся — игла вошла в мышцу. Он с остервенением бормотал себе что-то под нос.

Кэтрин выдернула руку — движение отозвалось вспышкой боли, игла выскользнула. Из раны сочилась кровь. У Кэтрин закружилась голова, она почти потеряла сознание.

— Чтоб тебя! — Он в ярости отшвырнул иглу. При взгляде на кровоточащую руку его зрачки расширились. Он судорожно сглотнул, наклонился и, к отвращению Кэтрин, стал слизывать кровь. Почувствовав на коже его язык, она задрожала от омерзения и ужаса. Попробовала высвободиться, но мужчина лишь крепче сжал ее руку, издав странный звук. Рычание.

И тут он впился губами в кожу и начал пить. Кэтрин в полном оцепенении наблюдала, как он высасывает кровь из раны. По подбородку у него стекала алая струйка.

— Мне пришлось. — Его лицо перекосилось в стыдливой гримасе. — Извини.

Все вновь поглотила тьма.

Когда она пришла в себя, откуда-то доносились заунывные звуки. Рыдания? Так и есть. Это он. Все еще здесь и плачет.

Полиция... Нужно звонить в полицию... Тело не слушалось. Из раны на пол капала кровь.

Наконец ей удалось пошевелиться. Вынуть кляп. Она хотела встать, но, услышав шорох за спиной, замерла.

Горло сжала петля. Кэтрин пыталась ухватиться за удавку, пыталась кричать, широко раскрыв рот. Ни звука. Ни вдоха. Перед глазами заплясали пятна, потом все накрыл туман.

Раздался грубый смех, полный злобы, и рычащий голос ворвался ей в ухо:

— А теперь самое интересное...

Глава 2

СУББОТА, 15 ОКТЯБРЯ 2016 ГОДА

Детектив Холли О’Доннелл стояла в коридоре и наблюдала, как медики бережно укладывают тело Кэтрин Лэм на каталку. Мешок надежно скрывал тело от взглядов. И все же картинка прочно отпечаталась в памяти. Спутанные волосы в крови прилипли к щекам. На мертвенно-бледной коже ярко выделяются кровоподтеки. Разорванная одежда в качестве последнего унижения. Иногда О’Доннелл удавалось воспринимать все отчужденно, как издержки профессии. Но не сегодня.

Двое медиков замешкались в гостиной, старательно маневрируя, чтобы не наступить на большое пятно засохшей крови. После их ухода О’Доннелл наконец смогла сосредоточиться. Когда с места убийства уносят тело, атмосфера меняется. Голоса звучат громче. Полицейские ведут себя раскованнее и по-деловому. Бывает, кто-то отпустит шутку. Всех охватывает чувство облегчения. Мертвые уходят. Живые остаются, чтобы расставить все по местам.

О’Доннелл изучала комнаты, залитые мягким светом из окон. Она живо представила себе, каким уютным был этот крошечный домик до кошмарных событий. Уютная спальня, красивая гостиная с диванчиком и небольшим телевизором. Кухня, правда, маловата, хотя Кэтрин Лэм обустроила все очень умело, и даже висящие на стенах сковородки и кастрюльки стали практически элементами декора. Окно кухни выходило на задний двор. Усеянный кустиками сорняков и сухой листвой газон выглядел запущенным.

О’Доннелл обратилась к сержанту Гарзе, который стоял в кухне, перелистывая блокнот:

— Теперь гостиная.

По его лицу скользнула тень негодования, но через секунду он все же кивнул. О’Доннелл привыкла к таким вспышкам неприязни. Многие полицейские смотрели на нее так, будто она не заслужила зваться детективом — или даже копом, если на то пошло. И, по их мнению, расследование она уж точно вести не в состоянии.

Ну, заслуженно или нет, но дело поручено вести О’Доннелл. А Гарзе придется это проглотить.

Он вошел в гостиную и ждал там с блокнотом наготове. О’Доннелл замешкалась: огромное кровавое пятно преграждало ей путь. Высокий Гарза попросту перешагнул через него, а вот ей пришлось перепрыгивать, уже третий раз за день. В бахилах, которые Холли всех заставила носить, легко было поскользнуться и упасть. Не говоря уже о том, что она наверняка выглядела глупо, прыгая зайцем туда-сюда.

О’Доннелл решила на прыжок, все-таки поскользнулась и едва не упала. Устояв на ногах, с вызовом посмотрела на Гарзу, готовая к насмешкам. Их не последовало.

Почтя за лучшее сосредоточиться на работе, Холли стала обмерять комнату рулеткой, диктуя цифры Гарзе, который заносил их в блокнот. Он и его напарник первыми прибыли в дом Кэтрин. Когда приехала О’Доннелл, она попросила сержанта помочь ей с зарисовкой места преступления, а его напарника — отвечать за периметр. Они уже закончили описывать ванную и спальню и ждали, когда медики заберут тело, чтобы заняться гостиной.

О’Доннелл оставила метку с номером восемь у телефона жертвы, лежавшего на полу. Уликой номер девять стал разорванный бюстгальтер. Метки с десятой по пятнадцатую лежали рядом с кровавыми следами ботинок. Одно из своих первых дел О’Доннелл чуть не провалила только потому, что присвоила один номер трем отпечаткам. Как следствие — путаница в фотографиях. Больше такого не повторится.

— Не забудь указать на рисунке направление шагов, — велела она.

— Сделаю, — отозвался Гарза, замеряя расстояние от телефона до двери.

— И замерь расстояние до каждого отпечатка.

Сержант бросил на нее оскорбленный взгляд, но промолчал. Конечно, он знал свое дело, и понукать его не было нужды. Тем не менее лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. За последние месяцы сожалений у О’Доннелл скопилось на всю оставшуюся жизнь...

Лавируя между пятнами крови, она кружила по комнате в поисках улик, которые могла пропустить, — ничего. Подошла к Гарзе и заглянула в его блокнот. Неохотно признала, что зарисовки выполнены безупречно. Эскиз аккуратен, замеры сделаны методично и подробно.

Ее внимание привлекли громкие голоса. Стоявший у входа полицейский с кем-то спорил, переходя на повышенные тона. Неужели журналисты уже здесь? Или это назойливая соседка?

О’Доннелл снова перескочила через пятно, на этот раз не потеряв равновесие. Скоро можно будет участвовать в соревнованиях по прыжкам через кровавые лужи. Она вышла из дома, прищурив глаза от яркого света.

Полицейские оцепили дом Кэтрин Лэм и дворик размером с носовой платок, а также часть тротуара. На нем стоял, размахивая журналом посещения, напарник Гарзы, новичок, только закончивший полицейскую академию. По другую сторону желтой ленты остановились двое. Женщина держала руки в карманах бежевого пальто, в тон к нему — коричневая шапка и шарф. На мужчине — черное пальто поверх серого костюма.

Женщина спорила с новичком, перекрикивая шум машин.

— Нам нужна всего пара минут. Это в ваших же интересах, чтобы...

— Извините, — прервала ее О’Доннелл, из ее рта вырвались облачка пара. — Что происходит?

— Федералы, — буркнул новичок, — хотят попасть на место преступления.

Холли, сведя брови, повернулась к федеральным агентам. Мужчина был черноволосым, высоким и широкоплечим. Он стоял в нарочито расслабленной позе, почти сутулясь, — как старшекласник, который хочет выглядеть крутым. Женщина казалась его полной противоположностью. Ее макушка не доставала ему даже до плеча, из-под шерстяной шапочки выбивались каштановые пряди. Она стояла, поджав губы и подобравшись, словно готовилась к марш-броску. Кончик ее длинного носа покраснел от холода. Когда она перевела взгляд на О’Доннелл, та чуть не отшатнулась. У женщины были глаза цвета травы, такие яркие, что становилось не по себе. Она смотрела на Холли так пристально, словно пересчитывала поры у нее на лице.

— Детектив О’Доннелл. — Представившись, она встретилась глазами с женщиной. — А вы?

— Агент Грей. — Мужчина взмахнул значком ФБР. — А это доктор Бентли.

— Расследование ведет полиция Чикаго. Вы не можете войти, агенты, пока мы не закончим все процедуры.

— Убийство может быть связано с делом, над которым мы сейчас работаем, — заявила Бентли. — Дайте нам пару минут, чтобы...

— Откуда вы знаете про убийство? — спросила О’Доннелл.

Грей бросил на напарницу раздраженный взгляд, чего она, похоже, не заметила.

— лейтенант Мартинес сообщил, что Кэтрин Лэм, двадцати девяти лет, задушена в собственном доме.

О’Доннелл скрыла гнев под маской равнодушия. Она всегда уважала Мартинеса, работающего вместе с ней

в детективном отделе Центрального района. Но о чем он только думал, когда рассказывал ФБР об этом деле? Еще и дал им неподтвержденную информацию о причине смерти!.. Даже новички так не ошибаются.

— И как же это убийство связано с вашим делом?

— Мы не вправе говорить об этом, — выпалил Грей, опередив Бентли.

О’Доннелл выдавила из себя подобие улыбки.

— Мне пора заняться расследованием. Хорошего дня, агенты.

— Стойте! — Голос Бентли стал пронзительным, глаза яростно сверкали.

О’Доннелл повернулась к ним спиной. «Надо будет поговорить с Мартинесом, — подумала она, — пусть объяснится».

— Детектив О’Доннелл, — окликнул ее агент Грей, — уделите нам две минуты. У нас есть важные сведения.

Холли со вздохом повернулась. Федерал всем своим видом демонстрировал смирение.

— Мы можем переговорить наедине? — спросил он.

О’Доннелл пригнулась, чтобы пройти под желтой лентой, и сделала десяток шагов от дома.

— Что у вас? — спросила она агентов, следовавших за ней по пятам.

— Мы разыскиваем серийного убийцу по имени Род Гловер, — сообщил агент Грей. — Он поселился в Чикаго лет десять назад, раздобыв поддельные документы.

— И что общего с этим убийством?

— Мы пока не уверены, есть ли связь... Но Род Гловер душил своих жертв. И жил он в этом районе, рядом с парком Маккинли.

— Звучит надуманно, — заметила О’Доннелл. — Вы теперь появляетесь на каждом месте убийства, если подозревают удушение?

Бентли нетерпеливо фыркнула.

— Убийства на почве секса с удушением происходят не так часто...

— На почве секса? Вам Мартинес об этом сообщил?

— Он сказал, что одежда жертвы разорвана.

— Он в этом деле вообще не участвует, а такие подробности не упоминались ни в одном отчете! Он... — Вдруг до О'Доннелл дошло. — Погодите, вы доктор Бентли? Зои Бентли, профайлер? Это вы работали с Мартинесом по делу Гробовщика-Душителя?

— Да.

Три месяца назад весь Чикаго держал в страхе серийный убийца, который бальзамировал молодых женщин и оставлял в городе их тела в странных позах. Лейтенант Мартинес руководил расследованием и попросил помощи у ФБР. Доктор Бентли и агент Грей были в оперативной группе, которая вычислила убийцу¹.

— То есть вы не из чикагского ФБР?

— Нет, — ответил Грей, — мы из отдела поведенческого анализа.

— И в Чикаго вы оказались, конечно, по чистой случайности? — недоверчиво продолжила О'Доннелл. Она знала, что ОПА размещается на другом конце страны, в Куантико, штат Вирджиния.

— Не совсем. Мы шли по следу Гловера. Последнюю неделю провели в Чикаго.

— И теперь хотите забрать дело себе? Только потому, что может быть какая-то связь...

— Ничего мы не хотим забрать. — Грей поднял руки в знак примирения. — Хотим проверить, не приложил ли Гловер руку к этому убийству.

— Отлично. — О'Доннелл пожала плечами. — Пусть пришлют запрос из вашего главного офиса. Мы отправим вам отчеты по делу, сможете взглянуть.

¹ Об этом подробно рассказывается в романе М. Омера «Внутри убийцы».

— Лучше мне самой осмотреть место убийства, — встала Бентли.

— Лучше для кого?

— Для всех. У нас больше опыта в реконструкции таких преступлений, и если я увижу место, где все произошло...

Эта женщина явно испытывала терпение О’Доннелл.

— В отчете будут фотографии.

Бентли хотела что-то возразить, но Грей коснулся ее руки, и та прикусила язык.

— Слушайте, — проговорил он, — мы можем помочь вам с расследованием. Можем подключить наши ресурсы.

Вот что хотела услышать О’Доннелл. Тесты ДНК в Чикаго делают невероятно долго. А если федералы подержат за ниточки и проведут анализы в своей лаборатории? О’Доннелл не могла упустить такой шанс.

Кроме того, ее одолевало любопытство. Она была наслышана о Зои Бентли и деле Гробовщика-Душителя. Людям нравилось обсуждать Бентли почти так же, как смаковать недавний скандал с О’Доннелл в главной роли. Профайлера называли то мошенницей, то гением. В деле Гробовщика-Душителя тоже не все сходилось. Вроде бы Бентли несколько раз ранили в ходе расследования. Наверняка они с напарником скрыли от полиции что-то важное. Ходили совсем уж неправдоподобные слухи, что в момент задержания преступника Бентли была полуголая. Скорее всего, она сама это выдумала.

О’Доннелл хотела посмотреть на нее в деле.

— Ладно, можете взглянуть. Только уйдете без вопросов по первому моему слову.

— Конечно, расследование-то ваше! — Грей ослепительно улыбнулся.

О’Доннелл позволила им зайти в дом. Бентли и Грей поставили подписи в журнале и прошли внутрь. Гарза все еще занимался зарисовкой гостиной. Вскоре к нему